

АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ

К Л Е Т К А Д Л Я К О Т А

БУМЕР

2

ПРОДОЛЖЕНИЕКУЛЬТОВОГОРОМАНА

Андрей Борисович Троицкий
Бумер-2: Клетка для кота
Серия «Бумер», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138189

Аннотация

Продолжение культового романа «Бумер». Килла и Рама погибли в перестрелке с милиционерами, но их друзья все еще живы. Костян-Кот отбывает срок за убийство, иудин грех не дает спать спокойно Димону Ошпаренному. Как искупить свою вину? Без вариантов: надо выдернуть Костяна с зоны...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	44
Глава четвертая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Андрей Троицкий

Бумер-2

Книга первая.

Клетка для Кота

Часть первая

Глава первая

Потрепанный «опель» с треснувшим лобовым стеклом и пятнами ржавчины на крыльях приткнулся на стоянке возле закусочной «Ветерок». Сидевший за рулем долговязый Витя Желабовский, широко известный в узких кругах как Жлоб, до конца опустил боковое стекло, но, кажется, дышать стало еще тяжелее. Дима Кубиков, он же Куба, занимавший переднее пассажирское кресло, лениво пускал табачный дым и разгонял его ладонью.

Был полдень, и солнце палило нещадно. Над шоссе стелилось марево, сотканное из выхлопных газов и раскаленного воздуха, зависших над дорожным полотном. Движение почти остановилось, изредка в обе стороны проползали тя-

желые фуры, проносились легковушки, и вновь все замирало. Из салона открывался хороший обзор на забегаловку и ее окрестности. Но смотреть особенно не на что: на стоянке всего три машины: выдавшая виды "хонда", КамАЗ, груженный песком, и ветхий жигуленок. Уже два часа, в это время хозяин закусочной дядя Миша закрывается на получасовой перерыв, но сегодня старик не слишком пунктуален, видно, и ему жара дает по мозгам.

– Грохнуть бы его прямо сейчас, – сказал Жлоб. – Что нам мешает?

– Ну, с этим всегда успеется, – Куба отлепил от губы окурок, выбросил его через окошко и глотнул воды из горлышка пластиковой бутылки. – Проломить чуваку башку – минутное дело. А что потом?

– Что потом? – как эхо повторил Жлоб.

– Суп с котом. Мочканем старика – сами себя накажем. Пока на это место не подберем нового арендатора, старика трогать нельзя. Ни убивать, ни увечить. А так Постный с этой точки хоть какую-то копейку получит.

– Да пошел он со своей копейкой.

Жлоб пригладил ладонью непокорный рыжий чубчик, одиноким островом торчавший на бритой голове. Его охватила беспричинная ярость, а в ладонях появился странный зуд, от которого можно избавиться, только отбив кулаки о чью-нибудь морду.

– Пусть себе эту мелочь в гроб положит. Копейку он баш-

ляет... Даже не смешно. Постный, когда разрешил ему работать на трассе, думал, что кабанчика откармливает. Ждал, когда этот Миша отстроится, когда пойдет клиент и бабки потекут. Чтобы обложить его нормальным obroком. Или весь бизнес прибрать. А дождался хрен чего. Ни вара, ни на вара. Одна головная боль. Короче, мочим его. И делу конец. Постному скажем, что этот козел на нас с ножом бросился. У нас выбора не оставалось.

– Даже не знаю, – Куба колебался, в такую жару лень бутылку с водой к губам поднести, а тут надо всерьез напрягаться. – Лично мне этот хрен не мешает. Пусть себе пыхтит. Если хочешь знать мое мнение: виновата во всем та столовка, ну, в пяти верстах отсюда, которую построило дорожное управление. Там кормят быстро и цены ниже.

– Его проблемы – это не наши проблемы.

– А получается наоборот, – возразил Куба, – получается, наши.

Вместо ответа Жлоб вытащил из-под сиденья ствол, завернутый в чистую тряпку. Передернув затвор и, поставив пистолет на предохранитель, сунул его под ремень, одернул майку.

Из закуской вышли мужчина средних лет и молоденькая девушка. Мужик поддерживал свою спутницу под локоть, будто той стало плохо после сомнительного обеда. Жлоб проводил женщину взглядом и мысленно раздел ее. Образ получился так себе, не эротичный, ножки короткова-

ты и толстоваты. И задница подгуляла.

Жлоб стал решать про себя, кто рядом с бабой – отец или любовник. Скорее всего, любовник. Затюканный жизнью мужик, которому на красивых женщин вечно не хватает денег. Или все же отец?

Парочка села в жигуль и уехала. Вопрос остался открытым. Жлоб смахнул капельку пота, повисшую на кончике носа, и надел темные очки. Осталось дожидаться, когда закончит есть водитель КамАЗа и забегаловка опустеет.

* * *

Пока судьбу дяди Миши решали посторонние люди, сам он в подсобке выяснял отношения со своей родной племянницей Дашей Шубиной. Разговор, как всегда, был трудным. Позавчера дядя Миша отпустил в недельный отпуск официантку Веру Петровну и слезно просил племянницу поработать в «Ветерке» эту неделю в первую и вторую смены за двойную плату. Но у Дашки были свои, неведомые дяде планы, которые она не собиралась ломать только потому, что Петровна уехала в город проведать сына.

– И черт с тобой, – сказал дядя Миша, подводя итог разговору. – Я тут один совсем зашиваюсь. А ты в это время шастаешь неизвестно где. Все ищешь приключений на свою задницу.

– И найду, – огрызнулась Дашка. – Таких приключений

найду, что тебе тошно станет.

Вот и разговаривай с этой соплячкой после таких слов. Шубин вытащил из кармана носовой платок, пристроился в углу на упаковке баночного пива, вытер красные, влажные от пота лицо и шею. Дашка вынимала из картонного ящика банки с соком и консервированным горошком и выставляла их на полки. Шубин подумал, что разговор не получился и, видимо, никогда не получится – они с племянницей давно разучились понимать друг друга. Когда-то все было иначе. Когда-то, очень давно...

Но дядька давно перестал быть для нее авторитетом, вторым отцом. А теперь она вбила себе в голову идиотическую блажь, с чего-то вдруг решила, что сможет помочь старшему брату Кольке, который сейчас тянет срок за воровство. И не просто помочь, а вытащить брата из ИТУ, купить ему свободу, будто та свобода на колхозном рынке продается по сходной цене.

– Мне уже давно тошно, – Шубин прикурил сигарету.

Середина дня, а он испытывал такую усталость, будто на нем сутки пахали. К вечеру в закусную набьется много народу, а ему опять сидеть за кассой и, выгадав минуту, вместо официантки бегать между столиками, собирать грязные тарелки. И еще ругаться с посудомойкой – вздорной бабой, у которой по вечерам обострятся неврастения.

Дашка выставила последние банки, пинком загнала коробку в дальний угол и присела на ящик рядом с дядькой.

В подсобке было прохладно, но Дашка, тоже не присевшая с утра, разругянилась.

– Дядь Миш, – она положила руку на плечо Шубина, голос ее сделался мягким и нежным, как китайский шелк. – Нужно кафе продавать.

Ну вот, опять завела свою пластинку...

* * *

Все это началось месяца три назад, когда в «Ветерок» зашел какой-то сомнительный посетитель, одетый, как бродяга. На дворе была ранняя весна, еще стояли холода, а на парне – поношенная курточка на рыбьем меху, под ней куцый пиджак и грязноватая майка. На ногах – дешелвые стоптаные ботинки. Коротко стриженную голову покрывает кепка шестиклинка, в руке – старушечья нейлоновая сумка.

– Слышь, здесь нищим не подают, – сказал Шубин: если кормить всех придорожных бродяг, сам быстро по миру пойдешь.

– Я не побираюсь...

Молодой человек пробил в кассе мясной бульон и два картофельных гарнира. Уселся за дальним столиком у окна, умял свои порции и глотнул из горлышка бутылки, которую принес с собой. Немного осмелев, парень снова подошел к кассе и, узнав у Дашки, что та будет после обеда, потому что работает во вторую смену, взял компот из сухофруктов

и вернулся за свой столик. Он терпеливо прождал три часа, а когда Дашка освободилась, усадил ее напротив себя, долго что-то рассказывал, такого страху нагнал, что девчонка побледнела, а руки у нее затряслись. Помявшись, парень передал ей письмо, не в запечатанном конверте, а написанное на бумажке, завернутой в целлофановый пакетик.

Звали этого субъекта Володя Чуев, он от звонка до звонка отмотал срок в той же колонии, где сидел Колька, и после выписки решил устроить себе длительный отдых. Четыре дня он провалялся на раскладушке в Дашкиной комнате и бесплатно харчевался в "Ветерке", а потом, получив от девчонки деньги, куда-то исчез.

Какие разговоры вел этот проходимец с племянницей, дядя Миша не знал. А письмо-то читал. Весточка не проходила лагерную цензуру, поэтому бедолага Колька дал волю эмоциям. Сразу видно, он накатал свое сочинение, когда пребывал в расстроенных чувствах, повесил нос и думал только о плохом. Слезоточивые строки о том, как тяжело ему живется на зоне, как трудно тянуть лямку зэка. До конца срока хоть и немного осталось, чуть больше двух лет. Но это, дескать, по вашим меркам немного, по мнению вольных людей. А ему каждый день там как год. Кроме того, Колька опасается за свою жизнь, писал, что ему наверняка не дадут досидеть. Или блатные на пику посадят или кто-то из лагерной администрации поможет залезть в петлю.

Еще Колька писал, как он, насквозь простуженный, не

поднялся со шконки, когда в барак вошел офицер, и схлопотал за это семь суток штрафного изолятора. Сидел в гнилом подвале, в сырости и холоде, на хлебе и воде. А контролеры отобрали у него теплое белье и к тому же еще кренделей навешали. И дуба он не врезал только чудом. Дашка все плакала, перечитывая эти строки, а дядя Миша сказал: "Ничего, досидит как миленький. Люди червонец получают и возвращаются. А тут... Всего – ничего". Слезы высохли на Дашкиных глазах, она схватила с плиты сковородку, на которой жарили лук, и едва не огрела Шубина по башке. Хорошо, повар успел руку перехватить. Психованная девка.

И вот с той поры, после разговоров с этим придурком Чувевым, Дашка решила, что должна, просто обязана вытащить брата с зоны. А для этого нужно всего-навсего заплатить кому-то из тамошних шишек энную сумму в валюте. О каких деньгах идет речь, Шубин не имел представления. Он видел только, что Дашка стала избегать работы в закусочной, где-то моталась, искала деньги, но, видно, ее поиски оказались не слишком успешными. Как сидела на зарплате официантки, так и сидит, считает каждый грош. И себе отказывает во всем.

– Дядь, милый, надо кафешку продавать, – Дашка всхлипнула, но получилось как-то ненатурально. Она наперед знала, что скажет в ответ Шубин, поэтому голос звучал тускло. – Надо Колю вытаскивать. Ведь то письмо читать страшно.

– А ты не читай, – посоветовал дядя. Он чувствовал, что

терпение на исходе, едва сдержался, чтобы не обложить глупую девку матом, но резкое слово все же сказал. — Рано вы с ним самостоятельными стали. Дел натворили, теперь сами и расхлебывайте. Ничего с твоим братцем не случится. Досидит два года с божьей помощью. Глядишь, дурь из него вся выйдет. Теперь у Кольки есть время Уголовный кодекс выучить. Чтобы в следующий раз в тюрьму не залетать.

Дашка захлюпала носом. Что-то она стала слабой на слезу. Ей слово поперек, а глаза уже мокрые. Только напрасно племянница надеется: Шубина бабьими соплями не разжалобить. Да и затея со спасением брата настолько вздорная и тупая, что тут и сомневаться нечего: как только племянница сунется к лагерному начальству со своими деньгами, ей хвост и прищемят. Хорошо, если саму не посадят. Но без денег оставят, да и брату только хуже сделает.

— Ведь это Колька тебе денег на "Ветерок" дал, — выложила Дашка последний козырь. — Если бы не он...

— Ты меня деньгами-то не попрекай, — Шубин поднялся, чувствуя, что, сидя здесь, не отдохнул, только больше устал, совсем выдохся. — Денег он дал. Дерьмо на лопате твой Колька. Если бы не я, после смерти родителей загнали бы вас в детдом, на казенную баланду. Вот что я тебе скажу: добро вы помнить не умеете. А ты, смотрю, очень грамотная стала. А если грамотная, посчитай, сколько лет вы с братом у меня на шее сидели. Учил, кормил, одевал, обувал. Своих детей бог не послал. Вот я вас и нянчил столько лет. Ну, посчитала?

То-то...

Дашка вышла из подсобки следом за дядькой, решив про себя, что больше не станет заводить разговор о продаже "Ветерка". Шубина ничем не прошибешь. Он совсем очерствел душой, погряз в мелких денежных расчетах и, кажется, у него наметился серьезный конфликт с бандитами, контролирующими этот участок дороги, все здешние рынки и забега-ловки. То ли дядька должен денег братве, но не спешит отдавать долги, то ли у него действительно нет ни копейки. Черт его знает. Пусть сам это дерьмо разгребает, у Дашки своих забот не перечесть.

Наскоро протерев столы, она повесила на стеклянную дверь табличку: "Простите, у нас перерыв на 30 минут". За ближним столом харчевался здоровенный мужик, водитель "КамаЗа", стоявшего неподалеку. Этот малый обедает тут через два дня на третий, приезжает перед самым обеденным перерывом, по нему можно часы проверять. Всегда берет три салата, полный борщ, двойную порцию котлет с картошкой, большой кусок пирога, графин лимонного напитка и выходит на воздух, едва передвигая ноги. И в этот раз он нагру-зился выше ватерлинии. Отодвинув стол, медленно отчалил. Постояв на солнышке, прикурил сигарету и уныло побрел к своему грузовику.

Дашка, наблюдая за водилой, отметила для себя, что на стоянке пристроился старенький "опель". На переднем сиденье, о чем-то толкуя, сидят два парня. Присмотревшись,

Дашка подумала, что пацаны незнакомые. У нее хорошая память на лица, в ее смену эти посетители не попадали ни разу. И что они мучаются в тачке на самом солнцепеке? В следующую секунду Дашка увидела повара Рената Баширова. Он вышел из кухни в зал, сел за столик, поставив перед собой стакан гранатового сока. Получасовой перерыв Ренат всегда использовал по назначению: он отдыхал.

– Уходишь? – спросил он и снял с головы поварской колпак, пригладил темные гладкие волосы. – Не останешься поработать? Официантка...

Дашка махнула рукой, вот теперь повар пришел агитировать. Сам Ренат готов пахать хоть в три смены, лишь бы деньги платили. Он, как и дядька, за копейку удавится. У него трое детей и жена, которая, кажется, снова беременна.

– Да знаю я, все знаю. Официантка уехала, а я должна за нее ишачить. Как бы не так. Хрена вам.

Дашка стянула с себя фартук, скомкав его, бросила на стол. И, хлопнув дверью, вышла из забегаловки. Когда минуто спустя она заводила свою "хонду", увидела в зеркале заднего вида "опель". На этот раз салон машины оказался пустым, парни подевались неизвестно куда.

* * *

Витя Желабовский и Куба вошли в закусочную через заднюю дверь, которая по случаю несносной жары оставалась

открытой. Миновав тамбур и тесный, заставленный ящиками коридорчик, оказались на кухне. Здесь у огромной кастрюли с азу по-татарски топталась Зинаида Ивановна, она же помощник повара, она же, когда требуется, официантка. Переминаясь с ноги на ногу, Зинаида старалась попасть в ритм музыки, которую передавали по радио. Жлоб, крадучись, подошел ближе, остановился за спиной бабы и своей долинной, как шлагбаум, ручищей дотянулся до ворота белого халата. С силой рванул ткань, развернул Зинаиду лицом к себе.

Всегда бойкая официантка онемела от ужаса, увидев перекошенную от злобы морду Жлоба и охотничий нож с длинным клинком в руке у другого парня. Она хотела сказать, что ее не надо убивать, она все отдаст и так. С превеликой радостью. На шее золотая цепочка с крестиком, а деньги в сумочке, которая лежит... Зинаида не успела произнести ни единого слова, Жлоб уже развернул плечо и умело ткнул кулаком ей в лицо. Через секунду свет померк у нее в глазах, она не свалилась на пол только потому, что намертво вцепилась в край привинченного к полу железного стола. Жлоб занес руку для нового нокаутирующего удара в переносицу, но Куба подскочил ближе и въехал женщине рукояткой ножа между глаз.

Жлоб прибавил громкость висевшего на стене радиоприемника. Партнеры прошли еще один коридор, оказались у открытой двери в подсобку. Дядя Миша, подставив под но-

ги чурбан, на котором кололи дрова для шашлыков, пересчитывал банки с консервированным сладким перцем, стоявшие на самом верху. В одной руке он держал ученическую тетрадку в клеенчатой обложке, в другой – огрызок простого карандаша.

– Тридцать шесть, – шептал Шубин себе под нос. Из кухни доносилась музыка, отвлекавшая от дела. Лишь бы не сбиться со счета, иначе придется пересчитывать банки по второму кругу. – Тридцать семь...

Шубин сделал пометку в тетрадке. И начал счет банок на второй полке, где стоял горошек. Он не успел добраться до цифры пять, когда какая-то неведомая сила выбила чурбан из-под ног. Взмахнув руками, дядя Миша выронил тетрадку и карандаш, тяжело бухнулся на бетонный пол, больно ударившись плечом. Стараясь сообразить, что происходит, он оттолкнулся ладонями от пола, уперся спиной в стойку полок. Увидел двух незнакомых молодых людей, стоявших над ним.

Один малый вооружен ножом, он небольшого роста с квадратными плечами. Другой, длинный и худосочный, одет в лисялые штаны и майку без рукавов с иностранной надписью. Морды незнакомые, кажется, сюда эти парни никогда не заходили.

– Вам чего? – сидя на полу, Шубин лихорадочно соображал, откуда появились нежданные гости и что здесь забыли. Выручки в кассе кот наплакал. – Чего надо?

Вместо ответа Жлоб нанес футбольный удар мыском ботинка в грудь Шубину. Куба добавил ногой слева по ребрам. Жлоб каблуком наступил на ладонь своей жертвы. Предприниматель закричал от боли, но этот крик слышали лишь его мучители. Дверь в коридор, обшитая листами жести, оказалась уже закрытой, а радио в кухне орало на полную катушку. Согнувшись в пояс, Жлоб ударил хозяина "Ветерка" наотмашь, основанием ладони в лицо, развернулся и снова ударил справа. Отдернул руку, будто его шибануло током, и, прижав ее к груди, запрыгал на одной ноге.

— Бляха-муха... Кажись, я палец сломал, — застонал он. — Вот же сволочь. Морда, как кирпич. Палец, блин...

Не обращая внимания на эти стоны, Куба пару раз, когда Шубин попытался встать, навернул ему коленом по уху. Потом другим коленом — для симметрии. И добавил справа кулаком. Дядя Миша плохо видел, потому что правый глаз заливала кровь, сочащаяся из рассечения над бровью. На веках левого глаза после удара коленом мгновенно налился водянистый волдырь, веки сомкнулись.

Шубин поднял предплечья, старясь защитить лицо от ударов. Но Куба захватил два пальца его правой руки, сжал их в кулаке и вывернул до костяного хруста. Шубин, ослепленной болью, не понимал, за что и почему два молодых отморозка медленно убивают его в собственной подсобке. Они ничего не требуют, не берут деньги из кассы, не шарят по карманам, просто молча, ожесточенно мордуют его. И от этого молча-

ния так страшно, что словами не передать. Страх хуже физической боли. Дядя Миша набрал в легкие побольше воздуха и заревел, как раненый слон:

– А-а-а, Рифат... Рифат... А-а-а...

Сейчас вся надежда на повара. Если он подоспеет, есть шанс спастись. Рифат, здоровый мужик, который играючи разгружает мешки с сахаром или мерзлые свиные туши. Если бы он успел, если бы услышал...

Жлоб перестал прыгать на одной ноге, боль в пальце отпустила. Он выхватил из-за пояса пистолет, крепко зажал ствол в ладони. Шубин успел вжать голову в плечи.

– Вот тебе, тварь. Вот... Вот... – Жлоб, развернув плечо, рукояткой пистолета, как молотком, врезал дяде Мише по шее.

Один раз, другой. Шубин задергался. Сверху посыпались, покатались по полу жестяные банки.

* * *

В общем зале кафе было не так жарко, как на кухне, поэтому повар Рифат не спешил возвращаться на рабочее место, он хотел сполна насладиться получасовым перерывом, вкатить еще один стакан гранатового сока и дать отдых ногам. Вечером, когда жара спадет, здесь будет полно посетителей. Но основная часть его работы уже сделана. Кастрюля с азу по-татарски стоит на слабом огне, мясо почти гото-

во. Жареные лангеты в духовом шкафу. Ему осталось покрошить овощной салат и винегрет. Все остальное сделают Зинаида Ивановна и официантка Лида, которая выйдет во вторую смену. Сегодня Рифат уйдет из закусочной в пять тридцать, на час раньше обычного, как раз в это время у «Ветерка» останавливается рейсовый автобус. Надо забрать жигуль из сервиса и отвести жену к врачу, женская консультация закрывается в восемь, поэтому он успеет.

На кухне радио орало так, что было слышно в зале. Рифат не любил лишнего шума: он вычитал в одном умном журнале, что громкие звуки утомляют человека, как тяжелая физическая нагрузка. И строго предупредил Зинаиду, чтобы она не врубала шарманку слишком громко. На мгновение Рифату показалось, что его зовет хозяин заведения. Но, видимо, послышалось. Рифат допил сок, глянул на часы – можно посидеть еще немного, только сначала надо выключить радио. Он поднялся и направился на кухню. Рифат оказался в середине темного коридора, когда услышал какую-то возню в подсобке. И слабый голос дяди Миши. Слов не разобрать, но и без слов понятно: что-то случилось. Возможно, Шубин пересчитывал запасы консервов и неосторожно грохнулся вниз с высокого чурбана. Рифат дернул на себя ручку двери. Но она почему-то не открылась.

– Михал Палыч, ты там? – крикнул Рифат. – Открывай. Слышь?

В ответ какое-то мычание, звук, похожий на удар о пол

упавшей сверху жестянки, подозрительные шорохи. Дверь с другой стороны можно закрыть на хлипкий крючок. Замка тут нет. Рифат поплевал на ладонь, крепко вцепился в ручку, отступил на полшага, резко повернув корпус, рванул дверь на себя. Крючок вылетел из ржавой петли. В то же мгновение Рифат увидел Шубина и не сразу узнал его.

Тот сидел на полу, привалившись спиной к стояку полки. Лицо распухло от побоев, будто его покусали пчелы, губы вывернулись наизнанку. Рубаха разорвана до пупа, грудь залита кровью. За мгновение Рифат сумел разглядеть нападавших: один – длинный выродок с граблями вместо рук. Второй – какой-то квадратный, с тяжелой челюстью неандертальца. Длинный, кажется, оробел, шагнул назад. Но тут из-за его спины вылетел второй малый с красным огнетушителем в руках. Действуя им, как дубиной, он с размаху опустил его на темечко повара. В голове у Рифата загудел стопудовый колокол, и он словно провалился в темный колодец...

* * *

Дядя Миша открыл глаза, когда ощутил во рту солоновато-сладкий вкус крови. Он все еще сидел на полу, кто-то лил воду ему на голову. Шубин застонал и плотнее уперся руками в пол. Сладкая вода пенилась и стекала за шиворот рубашки. Он почувствовал, как в кровотокающие губы с силой ткнули стволом пистолета, заставляя шире открыть рот. Шубин

подумал, что через мгновение его не станет, а он так и не узнает, за что был убит.

– Шире открой пасть, – заорал ему в лицо Жлоб, – еще шире. Тварь такая, ни хрена не понимает. Ну, тебе говорят.

Шубин приоткрыл рот, втянув носом запах металла и оружейного масла, которым смазывали пистолет.

– Ты был когда-нибудь у врача? – заорал Жлоб. – Нет, а почему не умеешь пасть разевать? Ну же.

В спину его толкал Куба.

– Дай я его, – словно в горячке, повторял он, – дай я. Ну, какая тебе разница.

– Да пошел ты, – отпихнул его Желабовский. – Слышь, дядя Миша, хочешь сдохнуть? Прямо сейчас?

Шубин хотел что-то сказать, но мешал ствол пистолета, который Жлоб протолкнул ему едва ли не в самое горло. Поэтому старик промычал нечто невразумительное и взглядом показал, что умирать не хочет. Особенно сейчас.

Если бы ствол вынули изо рта, Шубин сказал бы своим обидчикам, что уже платит местному авторитету Постникову за охрану от рэкетиоров. Он не может платить всем без разбору, потому что денег слишком мало, а желающим прокатиться на дармовщинку – счета нет. У молодых людей будут большие неприятности, когда Постников увидит физиономию Шубина и услышит его рассказ. Неприятности – слабо сказано. У авторитета крутой нрав, и он очень не любит чужаков, которые пытаются кормиться на его территории.

– Тогда так, старик, – сказал Жлоб назидательным тоном, – слушай внимательно. Мы знаем, что ты платишь Постному. Теперь все отменяется. Будешь платить нам, то бишь, Гребню. По тем же дням, ту же сумму, что и Митрофану, но на пятьдесят процентов больше. Чего ты дергаешься? – насторожился парень, заметив, как вздрогнул дядя Миша при определении процентной ставки. – Ты что-то имеешь против?

Шубин шмыгнул разбитым носом, давая понять, что против ничего не имеет. Жлоб вытащил ствол изо рта хозяина заведения, вытер пистолет о его штаны и сунул под ремень. Партнеры переглянулись.

– Мы уходим по-английски, – сказал Куба Шубину, – не прощаясь. Английский этикет – это сейчас очень модно.

Он пнул напоследок Шубина каблуком в грудь, и приятели вышли в коридор. На полу валялся повар, медленно приходящий в чувство. Куба поднял лежавший рядом с ним огнетушитель, долбанул им Рифата по загривку и следом за Жлобом вышел на кухню. Здесь они сбросили на пол кастрюлю с азу, опрокинули корзину с помидорами и сорвали золотую цепочку с помощницы повара, пролежавшей под столом все это время. Зинаида не посмела шелохнуться и даже пикнуть. Она проводила молодых людей взглядом и только тогда волю чувствам, села на пол и разрыдалась в фартук.

Глава вторая

Информация о том, что заключенный номер триста семь, особо опасный рецидивист Константин Андреевич Огородников, он же Кот, готовит побег из колонии, поступила в оперативную часть неделю назад. Только эта короткая информация. И больше ни слова. Одиночный намечается побег или в составе группы, кто помогает потенциальному беглецу с воли, на какой день намечено сие событие и как оно будет проходить? Эти и множество других важных вопросов оставались без ответа.

Сергей Петрович Чугур, заместитель начальника колонии строгого режима (в просторечии кум), поставил на уши всех, в том числе своего лучшего осведомителя Пашку Осипова по кличке Цика. Задача – любыми способами добыть информацию о предстоящем побеге. И посулил активисту солидный бакшиш, но все без толку. Правда, вчера под вечер Цика дал знать, что появились новые данные, раскрывающие план преступления. Кум вздохнул с облегчением и первую ночь за неделю хорошо выспался.

После обеда, закрывшись в своем кабинете, он снова принялся листать дело Кота, испещренное пометками офицеров оперативной части: ударил в голову табуретом товарища по отряду, который, по мнению Огородникова, сотрудничал с администрацией ИТУ... всадил ножницы в спину бригади-

ра, потому что тот в оскорбительной форме приказал выполнить сверхурочную работу... сломал черенок лопаты о спину дежурного офицера, помянувшего недобрым словом мать Огородникова... не снял шапку в ответ на приветствие контролера... Семь дней карцера, две недели ШИЗО, десять дней, неделя БУРа... И так далее и так далее.

За два с половиной года на его заборную книжку не начислено ни копейки, он припухал на подсосе, потому что в ларьке не на что отовариваться, пачку печенья к празднику – и ту взять не на что. Кроме того, Огородникову было запрещено отправлять и получать письма и посылки. Он пребывает в колонии уже полных три года, но так ничему и не научился, плюет на здешние порядки. С Котом все было ясно: это – полный отморозок и злостный нарушитель режима, так и не вставший на путь исправления. Эту тварь исправит только заточка или пуля.

Но полгода назад Кот резко меняет стиль поведения: с той поры он не замечен в нарушениях режима. Мало того, он выходит на общие работы, трудится каменщиком на строительстве склада и выполняет норму, выдавая за смену полтора кубометра кирпичной кладки. Даже в самодеятельность записался, хотя петь не умеет. За полгода правильной жизни он получил четыре письма и две посылки. Кажется, умнеет малый, учится понимать, что почем в жизни. И вот тебе на – задумал побег. Значит, все это время он гнал прогоны, вводил в заблуждение администрацию и товарищей по отряду,

добивался и добился послабления режима, а сам тем временем готовился намылить лыжи.

* * *

Кум, захлопнув дело, поднялся на ноги. Сидеть в кресле, сделанном месяц назад в столярной мастерской, – сплошное мучение. Со стороны кресло напоминало императорский трон, хоть в музее выставляй: высокая резная спинка, о которую больно облокотиться спиной, жесткая маленькая сидуха, на нее приходится класть кусок поролона. И еще – слишком высокие подлокотники в виде львов с оскаленными мордами. Столяр очень старался, одного не учел, сука такая, что на этом троне Сергею Петровичу несколько часов в сутки придется зад канифолить. А задница у него не железная.

Сегодня день выдался прохладным и ветреным. Стоя у окна, кум разглядывал лагерный плац, голое вытоптанное поле, на котором через час должно начаться построение ээков для вечерней поверки. Отсюда, с третьего этажа, хорошо просматривается половина лагеря: проклятый плац, зажатый между двумя трехэтажными корпусами лагерной администрации, сложенными из светлого силикатного кирпича, и унылыми деревянными бараками, за которыми виднелся высокий двойной забор, огораживающий предзонник, и сторожевые вышки. По периметру административные здания отгорожены от жилой зоны столбами, нитками колючей

проволоки, у главного входа разбиты две клумбы, посажены чахлые яблони, которые никак не могут прижиться, все болеют, даже не цвели в этом году.

Однолетние кладбищенские цветочки, припорошенные пылью, тоже не радовали глаз, над плацем ветер поднимал клубы мелкой пыли, над столовкой вился серенький дымок, напоминавший о том, что ужин уже через два часа. Зёков пригонят с производственной зоны, после переклички они получают порцию хлеба и ковш баланды с капустой и вареной мойвой. А там – свободное время.

Любоваться не на что, пейзаж безрадостный и настолько унылый, что скулы сводит зевота. Эта убогая картина обрыдла Сергею Петровичу до боли в сердце и печени. Но сейчас он, позабыв об эмоциях, высматривал в окно заключенного номер четыреста двадцать один, проще говоря, Цику, который еще полчаса назад должен был принести в клюве важное известие, но почему-то опаздывал.

Кум полил из пластиковой бутылки бегонию, расплотившуюся в горшке на подоконнике, еще раз взглянул на часы. Он не умел и не любил ждать, тем более какого-то паршивого зэка, но тут случай особый.

Цика – глаза и уши Чугура, он лучший лагерный активист, хозяйскими харчами кормит с ладони десятков стукачей, которые сливают ему всю информацию, достойную внимания кума. Если активист-общественник задерживается, значит, есть на то уважительные причины.

Когда в дверь постучали и на пороге выросла фигура Цики, кум даже улыбнулся. Осипов вошел в административный корпус с черного хода, поэтому кум не увидел его через окно.

– Заключенный номер четыреста двадцать один, осужденный по статьям... – докладывая, Цика сорвал с головы и смял в кулаке шапку-пидорку, вытянулся в струнку, лицо налилось краской, – по вашему приказанию прибыл...

– Отставить, присаживайся, – кум устроился в неудобном кресле и начал разговор с риторического вопроса. – Ну, как жизнь, активист?

– Спасибо, гражданин начальник.

Вопрос не требовал ответа. Морда Цики лоснилась от жира, а задница на унитазах не помещалась. Он был на придурочной должности помощника хлеботорга, жрал от пуза, за информацию получал от кума харч и водку, имелись и другие источники для сытой и безбедной жизни.

– Вчера из телевизора у шконки Василия Крайнова пропала банка сгущенки, – Цика вытер пидоркой пот со лба, он старался не вставлять в разговор жаргонные слова, но не получалось. – Сегодня в пятом бараке устроят разборку с крысой. Могут порезать или...

– Меня это мелочевка не колышет. Давай о главном.

– Короче, Кот на производственной зоне закопал металлический ящик из-под газовых баллонов, – сказал Цика. – Ящик у забора между шестой и седьмой строительными бы-

товками. В нем цивильная одежда: кроссовки, тренировочный костюм. Еще в ящике трехдневный запас сухарей, вяленое мясо и сигареты. Может, там и ксива есть. Не знаю. Дернуть он решил восьмого или девятого июня. Это – точные данные. После отбоя переберется через забор жилой зоны на промку. Ее ведь ночью не охраняют. Переоденется, снова перемахнет другой забор. И уже на воле. Бежать он будет так: после отбоя задержится на репетиции в клубе. Отпросится у начальника отряда, чтобы там переночевать.

– Как же это он забор перемахнет?

– Сами знаете, у нас каждую ночь перебои с электричеством. Свет на вышках вырубает минут на пятнадцать, когда и на час. И запасной генератор – ни мур-мур. Накрылся мягким местом. Запретка темная, часовые – как слепые котята. Ну, пока электричество не дадут. Вот он и воспользуется, гад. Дождется момента. И по жердине наверх залезет. Проволоку кусачками порежет. Кусачки сделаны на заказ и где-то здесь в жилой зоне припрятаны. Если масть покатит, за четверть часа он все успеет.

– Кто бежит с ним вместе?

– Вот этого не знаю, – покачал головой Цика. – Кот с одним малым кентуется, с Колей Шубиным, с Шубой.

– Отпадает. Шубин не сегодня-завтра на волю выходит. Откуда у тебя информация? От кого?

Цика поерзал на табурете. Раскрывать источник ему не хотелось по сугубо личным причинам.

– Ну, я, кажется, вопрос задал.

– От Васи Гомельского.

– Ясно, – кум сердито свел брови. – Кто еще знает о побеге кроме твоего Васи?

– Никто, – покачал головой Цика. – Васька слышал разговор Кота с одним шоферюгой, вольняшкой. Имя водилы – не известно, и номер машины Васька подсмотреть никак не мог. Чтобы по вашему указанию добыть информацию, Гомельский пять ден просидел в подсобной комнате бытовки, закрытой на ключ. А Кот, пока бугор в лазарете с грыжей отлеживается, вместо него наряды подмахивал. Всю дорогу не вылезал из этой бытовки. И вот вчера к нему заходит водила, запирает дверь. И промеж них вышел этот откровенный разговор. Вся бригада была на объекте. А Гомельский забился в подсобку и сидел там, как мышь. Так надо понимать: Кот выберется с зоны, а на дороге его будет ждать тачка. И тогда ищи ветра...

– Делать выводы я сам буду, без твоей помощи. И личность шоферюги выясню, и все остальное, – рассеяно кивнул кум и переспросил. – Точно, никто о побеге не знает?

– Ни одна живая душа, – Цика прижал к груди пухлые ладони. – Клянусь здоровьем матери.

– Матери у тебя нет, – возразил Чугур, – и никогда не было. Откуда Кот взял цивильные шмотки?

– Деньги у него последнее время водятся, – пояснил Цика, – кто-то с воли его греет. А барахло у вольняшек можно

купить. Были бы гроши. Я постараюсь обо всем узнать...

– Лучше уж не старайся, – отрезал Чугур. – Прекрати свою бурную деятельность. Только хуже сделаешь, спугнешь. И своему человеку передай, Гомельскому, чтобы язык в жопу засунул. О побеге – никому ни звука. Ясно?

– Так точно, гражданин начальник.

– Сколько же лет у нас побегов не было?

Чугур поскреб пальцами затылок. Тот побег на рывок, когда два парня дернули в лес, выскочив из строя, и были срезаны автоматной очередью, не в счет. Недоразумение, а не побег. И случай в прошлом году можно не считать. Зэк возле ворот промзоны выбросил из кабины грузовика вольняшку – водителя и пытался уйти на колесах. Но не проехал и ста метров. Пулеметчик с вышки превратил кабину КамАЗа в сито.

И еще случались курьезные эпизоды, им счета нет. Но настоящего побега, продуманного до мелочей, хорошо организованного, не было, пожалуй, лет пять. Тогда бежали трое, и все бы у них вышло путем, но менты тормознули беглецов на товарной станции в ста километрах от зоны, когда парни забрались в телячий вагон. Одного грохнули на месте. Другого, раненого, взяли живым. Правда, он изошел кровью на обратном пути в колонию. А вот третий... Ушел, и с конца-ми.

Кум положил перед Цикой чистые листы бумаги и ручку, приказав письменно изложить свои показания и нарисо-

вать план, где указано место расположения тайника. Обливаясь потом, будто целину пахал, Цика склонился над столом и стал водить пером по бумаге, стараясь писать разборчиво. Через полчаса, когда он закончил свой опус и нарисовал план, майор открыл дверцы железного шкафа, в котором хранился конфискат: водка, сигареты с фильтром и другой дефицит, который офицеры отбирали у женщин, получивших трехдневные личные свидания с мужьями. Чего только бабы не перли на зону, пряча запрещенные предметы под юбками в интимных местах. Водка и самогон – это так, веточки. Попадались спичечные коробки с канабисом и даже белый порошок.

Сергей Петрович слишком опытный, тертый жизнью мужик, чтобы составлять протоколы изъятия и поднимать большой кипеш. Конфискат оседал в его шкафу и в сейфе оперчасти, а потом шел на продажу. Нынче такие времена: деньги по зонам гуляют шальные. Глупо не подбирать то, что валяется под ногами и просится в карман.

Кум выложил на стол пару пачек индийского чая и трехлитровую резиновую грелку, наполненную крепким первачом. Цика радостно затряс головой. Сегодня вечером он оприходует пару стаканов и заторчит, как в ступе пестик. Уляжется на железную койку с мягкой сеткой, в которую глубоко проваливается зад. И позовет в крошечную каморку при хлеборезке свою здешнюю жену – некоего Васю Гомельского, гопника и стукача. Угостит его и передаст пару

добрых слов от кума.

– Спасибо, гражданин начальник, – Цика, задрав куртку, запихивал в штаны грелку с горячим, рассовывал по карманам чай.

– Не на чем.

– Тут еще такой базар вышел между авторитетами, – Цика замялся. – Типа у них полный голяк – ширнуться совсем нечем. То есть вообще ни грамма. Раскумариться хотят люди.

Авторитеты, подсевшие на иглу на воле, не отказываются от своих привычек и здесь. Тем лучше. Чугур понимающе кивнул.

– Через знакомых пусти парашу, что завтра, возможно, будет канабис. И кое-что покрепче. Пусть бабки готовят. А теперь иди, скоро мужики с промки вернутся.

Как только Цика испарился, кум, усевшись на свой трон, дважды перечитал его сочинение и внимательно изучил нацарапанную на листке схему. Хотелось вызвать к себе дежурного офицера и отдать команду: взять Кота прямо сейчас, когда он вместе с работягами возвращается в жилую зону и возле шлюза проходит шмон. Вытащить из строя и засунуть в кандей, а уж там... Чугур сжал литой кулак и стал разглядывать свои пальцы и тяжелое костистое запястье, заросшее мелким темным волосом.

Когда-то, еще в молодые годы, он служил рядовым контролером СИЗО и среди коллег славился тем, что двумя уда-

рами в корпус, не по лицу, а именно в корпус, мог выбить душу из подследственного. Одним ударом отправить оппонента на больничную койку. Раз – и шах. Раз, два – и в дамки. Интересно проверить: на что он способен сейчас? Может он с двух ударов?

* * *

Бригада каменщиков, работавшая на строительстве склада в производственной зоне, после обеда вкалывала только три часа, а потом бугор объявил перекур, потому что сломалась бетономешалка. Электрик, вызванный из жилой зоны, сказал, что поломка несерьезная, накрылся рубильник, но раньше завтрашнего дня он все равно не управится. Работяги вышли из здания на воздух, во внутренний двор склада и до съема, официального конца рабочего дня, разбрелись кто куда. День выдался теплым, но ветреным.

Каменщик Константин Огородников по кличке Кот, Николай Шубин, работавший подсобным рабочим, и некто Петрухин разломали два старых ящика, разожгли костерок и устроились на траве за бетонными плитами. Кот нанизал на прутик кусочки хлеба, которыми разжился утром в столовке, и поджаривал их на огне. Шубин, растянувшись на земле, смолил самокрутку. А Петрухин, он же Петруха, куда-то исчез и вернулся с целлофановым мешком, который прятал в подвале склада. В мешке было килограмма полтора вяле-

ного мяса.

Петруха, худой и длинный как жердь, присев на корточки у огня, доставал маленькие кусочки своего лакомства и, отправляя их в рот, медленно пережевывал, перетирал зубами, превращая в кашицу, а потом глотал. Колька Шубин, докурив самокрутку, стал перечитывать письмо младшей сестры Дашки, полученное пару дней назад. Это послание он прочитал уже раз сто и выучил наизусть.

– Кот, а у тебя есть какая-нибудь мечта? – спросил Колька, закончив с чтением. – Ну, сокровенная?

– У каждого тут есть мечта, – отозвался за Кота Петрухин. Он громко чавкал, пережевывая мясо. – Навострить отсюда лыжи.

– А кроме этого?

– Какая еще мечта? – усмехнулся Кот. – Мечта...

У него была мечта, близкая и вполне реальная, но делиться своими тайными мыслями ни с одним из зэков Костян не мог. Вокруг полно стукачей, и каждое неосторожное слово может стать известно офицерам оперчасти. А значит, самому Чугуру. И тогда от его мечты останется кровавое пятно. Да и людям, с которыми Кот поделится своей идеей, придется несладко.

– Мне тут еще десять лет чалиться, – сказал Кот. – День живым прожить – уже хорошо. И проснуться так, чтобы башка была на плечах, а не в тумбочке валялась. Вот об этом все мысли.

– Ну, а если бы тебе амнистия выпала? – не отставал Колька.

– Тогда бы я мечтал... Даже не знаю. Угнать самую крутую тачку в Москве. Цвета мурена с движком в четыреста лошадей. И прокатить на нем самую красивую бабу, которую можно купить за деньги. С ветерком прокатить. Чтобы ни одна ментовская рожа не могла подобраться на расстояние километра.

– Мелко плаваешь, – усмехнулся Колька. – Мы вот с сестрой мечтали повернуть крупное дело. Одно, но очень крупное. Смыться из этой страны навсегда и купить свой остров в теплом море. Даже не остров – островок. Представь: белый песчаный пляж, пальмы, небо синее. И все это – твое. Включая тех попугаев, что на ветках кричат: "Рублины, рублины..."

– Тебе, Колька, мечтать в самый раз, – кивнул Кот. – Скоро ты с нашей дачи сорвешься. Надыбаешь бабки. И пришьешь мне со своего острова цветную фотографию. Вся зона будет смотреть твою карточку и форменно от зависти припухать.

Колька улыбнулся. Слухи о большой амнистии будоражили колонию почти полгода, распространились они задолго до того, как в Москве на самом верху было принято решение досрочно освободить из мест заключения лиц, не совершивших тяжких преступлений и преступлений против личности. Амнистия действительно должна вот-вот начаться, но

коснулась она всего семерых человек из четырехтысячного контингента зоны. В том числе и его, Шубина. Он знал, что досиживает последние дни или, в крайнем случае, недели, но до сих пор не смел поверить в собственное счастье.

Вытащив из кармана куртки фотографию, завернутую в клоч газеты и тонкий целлофановый пакет, Колька разглядывал ее так долго, будто увидел в первый раз. Карточка выцвела и потерлась на углах. Шубин редко показывал эту фотку, но сейчас особый случай, а Кот свой человек. Сейчас можно. Он подсел ближе к Коту, сунул ему карточку. На берегу реки стоит Колька, одетый в майку с надписью "Boss" и в светлые шорты. Рядом с ним стройная девчонка лет восемнадцати. На ней цветастый сарафан с узенькими бретельками, густые светлые волосы развеваются на ветру.

– Невеста что ли? – спросил Кот.

– Сестра Дашка, – сказал Колька. – Ждет меня. Нас только двое: она и я. Родители давно погибли. Еще дядька есть, он нас воспитывал и вообще... Заботился, короче. Сейчас у него своя забегаловка на трассе. Наверное, хорошо зарабатывает. И сестра пишет, что все у них нормально. Скучают без меня.

– Не долго им скучать осталось.

– И вот еще посмотри, – Шубин протянул Коту сложенную вчетверо бумажку, вырезку из журнала. На ней – ружье для подводной охоты, гидрокостюм и акваланг: баллоны с кислородом, маска, трубки. – Эту штуку, в смысле, не ружье,

акваланг, я уже купил. Как раз за два дня до того, как меня повязали, и купил. Специально в Москву ездил. В нашей дыре такие вещи не продаются, потому что никто не купит. Аквапанг дома меня дожидается. Ты умеешь пользоваться этой штукой?

– Баловался как-то, – кивнул Кот. – Не самое мудреное дело. Надо только, чтобы маска плотно прилегала к лицу. И еще, чтобы кислород свободно поступал.

– А я вот ни разу не попробовал, – сказал Колька. – Как думаешь, резина не потрескалась, все-таки два года пролежала?

– Если фирменная, не потрескалась.

– Мой аквапанг – фирменный. Один из самых дорогих.

Кот снял с прутика поджаристые, пропахшие дымом ку-сочки хлеба. Угостил Кольку и сам стал жевать. Петруха неслышными шагами подошел к костру, взгляделся в карточ-ку, усевшись рядом с Колькой, сказал:

– Ничего девка, гладкая, но больно уж костлявая. И бюста в ней мало. А мне нравятся женщины посолиднее, в теле, чтобы было за что подержаться, к чему прижаться. Лежишь на ней, как на пуховой перине. И ни о чем не вздыхаешь. Нет, я бы на такую не прыгнул.

– Дашка не та девчонка, которая позволяет таким уродам, как ты, на себя прыгать, – Колька завернул карточку в газету, а затем сунул в пакет и запрятал глубоко в карман куртки. – Ты сам доходной, вот тебе и нравятся толстые бабы. Чтобы

бюст до пупа и жопа в три обхвата.

– А что это за баба, если у нее одни мослы? Недоразумение природы, – Петруха скорчил брезгливую рожу, сунул в рот кусочек мяса и принялся работать челюстями. Во рту не хватало половины зубов, поэтому процесс шел медленно. – Мне такая женщина нужна, чтобы, как говорится, за собой повела, – громко чавкая, сказал Петруха. – Вот, помню, такой случай. Пас я одну бабу на вещевом рынке, по виду башливую. Сама в кофточке и джинсах. Кошелек толстый. Расплачивается с продавцом и сует портмоне в задний карман. Ну, думаю: моя. Шмель в очке, надо брать. И взял. Спокойно, без кипежа. Кожу сбросил в урну, бабки в карман и с рынка. Вхожу в автобус, а там едет та самая баба. И к ней контролеры подваливают. А у нее ни копейки. Короче, я за нее штраф заплатил. А потом, раз случай такой выпал, ближе познакомились. Вечером я уже в ее постели оттягивался и...

– Хватит, блин, базара: все только бабы, постель, – оборвал Петруху Кот. – Постель, бабы...

Разговоры о женщинах на зоне – бесконечные. Стоит только начать трюндеть на эту тему, и уже никто не остановится. Потому что у каждого есть своя история, даже десяток историй, даже сотня, чаще всего выдуманных, которыми не терпится поделиться.

Петрухе стало скучно, потому что слушать его никто не хотел, а про мечту и не спрашивали, и так все об этом уже знали. Пятый месяц как у Петрухи обнаружили туберкулез.

Теперь он дожидался отправки в лечебно-исправительное учреждение, но дело оказалось долгим. Нужно было сформировать группу туберкулезников, составить этап и только потом ждать отправки. До звонка оставалось еще четыре года, перевод в колонию для туберкулезников – верный шанс остаться в живых.

Но быстрее загнешься, чем попадешь в ЛИУ. Поэтому приходилось надеяться на собственные силы, лечиться подручными средствами. А, как известно, первое лекарство – собачье мясо и бульон из него.

Десять дней назад Петрухе улыбнулась удача. На забор стройки каким-то образом проникла дворняга. Собака грязная, старая и жилистая, но довольно упитанная. Петруха набросился на нее сзади, повалив на землю, задушил куском проволоки. Освежевав свою добычу в подвале, он закопал шкуру и два дня самодельным ножом расфасовывал тушку на части. В отдельный мешок – мясо, в другой – кости. Мясо он закоптил на костре, а из костей варил что-то вроде бульона. Лекарство, кажется, помогало. Петруха чувствовал себя бодрее, а ночной кашель бил его не так сильно, как прежде.

Костян задумчиво смотрел на огонь и думал о том, что он, возможно, окажется на свободе раньше, чем Колька выйдет по своей амнистии. И уж точно раньше того времени, когда Петруху отправят этапом в ЛИУ. До свободы теперь, можно сказать, рукой подать...

К неожиданной новости о намеченном побеге Константина Огородникова начальник колонии полковник Анатолий Васильевич Ефимов отнесся с философским спокойствием. Он пробежал глазами рапорт кума и пришпиленное к нему заявление активиста-общественника Цики. Вдохнул, нахмурился и сказал:

– Что ж, как говорится, наше дело – держать, а их дело – бежать. Таков непреложный закон жизни.

Чугур кивнул, он не собирался переть супротив законов жизни, но хотелось разобраться, куда гнет хозяин. И откуда это показное, обидное для начальника оперативной части равнодушие, будто побег из ИТК происходят чуть ли не ежедневно, будто им давно счет потерян.

– Я хотел отдать приказ немедленно отправить Огородникова в карцер, – сказал кум, – но потом решил не пороть горячку. С этим всегда успеется. Потому как...

– Потому как придется проводить расследование собственными и привлеченными силами, – Ефимов начал загибать растопыренные пальцы. – Ставить в известность московское начальство, прокуратуру. Исписать тонну бумаги. А потом будет долгое следствие. Понаедет сюда лишнего народа. Как-никак ЧП. Состоится выездное заседание суда, прямо тут у нас, в клубе. И ради чего вся эта бодяга?

Кум только плечами пожал.

– Ну, накрутят пятилеточку этому Огородникову, – продолжил хозяин. – А нам с тобой на хрен этот геморрой? На кой нам такой прибыток?

Чугур, наконец, понял ход мыслей начальника. Отпуск у Ефимова начинается через две недели, но раз на зоне такие дела творятся, отдых придется отложить до окончания следствия, а то и до суда. Путевку в санаторий и уже купленные билеты на поезд сдать. Вместо того чтобы балдеть на юге, нужно сидеть в этом прокуренном кабинете, строчить рапорты и объясниловки.

– Разрули ситуацию, Сережа, – голос Ефимова сделался бархатным. – Разрули, ну, как ты умеешь. Понимаешь, о чем я?

– Ясно, – Чугур отвечал не по уставу, но с Ефимовым, прослужившим в системе ГУИНа двадцать два года, их связывали не формальные, а давние товарищеские отношения, можно сказать, мужская дружба. – Следует оставить на промзоне возле тайника двух солдат и офицера. Пусть посидят в строительной бытовке без света. И дожидаются нашего беглеца. Мы не будем вмешиваться, когда этот черт перейдет запретку и перемахнет второй забор. А потом он наткнется на караул, совершающий неплановый профилактический обход промзоны. Огородников наверняка окажет сопротивление и будет убит при задержании.

– Конечно, – поспешил согласиться хозяин. – Он обяза-

тельно окажет сопротивление. Вооруженное сопротивление. Потому что в том ящике у него, рубль за сто даю, есть самодельный нож или заточка. Солдаты обязаны будут стрелять на поражение. Разумеется, после предупредительного выстрела в воздух.

– Все понял, – кивнул кум.

– Активисту, как там его... Объяви устную благодарность и прикажи держать язык за зубами. Во избежание потери языка.

– Уже сделано.

– Хорошо, – улыбнулся хозяин. – Кстати, Сережа, заходи вечером ко мне домой. В шахматы сыграем. Мне из Москвы фильмы интересные привезли. "Грудастые лесбиянки" и еще чего-то в этом роде. Сильно эротическое.

– Сегодня никак, – замялся Чугур. – Дела. Личные.

– Правильно: личное выше общественного. Опять к своей зазнобе поедешь? Предпочитаешь такие вещи смотреть не по виду, в натуре? Понимаю. Если бы у меня такая баба была, я бы к ней каждый день катался. Но не судьба...

Ефимов горестно вздохнул, взял со стола рапорт кума и донесение активиста, порвал бумаги в лапшу и бросил в корзину. Вскоре Чугур покинул кабинет начальника, решив про себя, что хозяин, как всякий хороший шахматист, правильно просчитал все ходы и смотрит вперед, а не оглядывается назад. Проверки из ГУИНа, выездной суд и вся эта канитель ни к чему. А зэк, убитый при попытке побега, – дело житей-

ское, из которого, если посмотреть под правильным углом, можно извлечь массу преимуществ.

Кум получит благодарность с занесением в личное дело и премию в размере месячного оклада. Ведь это именно он своим приказом ввел скрытное ночное патрулирование производственной зоны, проявил бдительность. Солдаты, пристрелившие Огородникова, тоже получают благодарность и трехнедельный отпуск на родину. А Ефимов поедет по путевке в Крым. И все довольны.

Глава третья

Димону Ошпаренному стоило немалого труда выйти на тверского авторитета Жору Кузьмина по кличке Кузь, имевшего какие-то связи с администрацией колонии, где мотал срок Кот. При содействии московских друзей встречу организовали в тихом пригородном ресторане – там, по проверенным данным, нет ни стукачей, ни прослушки.

Авторитет оказался худосочным мужиком лет тридцати с длинной шеей, по слухам, он не имел непогашенных судимостей и давно не вступал в открытые конфликты с законом. Кузь не пил водку, особо не жаловал блатной жаргон, одевался хорошо, даже изысканно, как богатый фраер, собравшийся на первое свидание. Он оставил охрану на улице, прошел в отдельный кабинет, тряхнув руку Димона, представился:

– Жора, тверской хулиган.

Приземлившись за сервированным столом, он съел крабовый салат, выпил французской минералки и, забыв о цели встречи, полчаса захлеб говорил о футболе. Со стороны могло показаться, что они с Димоном знакомы целую вечность, поэтому все темы для разговоров давно исчерпаны, один футбол и остался. Кузь все куда-то тянул свою длинную шею, сморкался в шелковый платочек и складывал губы бантиком, будто хотел поцеловать бутылку.

Димон не торопил собеседника и не направлял разговор.

Кузь в курсе проблемы, задолго до их встречи он основательно прошупал московского гостя и наверняка что-то решил для себя еще до того, как перешагнул порог кабака. Решение положительное, иначе он не пришел бы сюда.

– У меня тоже есть проблемка, – Кузь перешел к делу неожиданно, оборвав футбольный монолог на полуслове. – На московской таможне завис мой груз, – он назвал адрес таможенного терминала. – Вышло что-то вроде пересортицы. В документах указано одно наименование товара, а по факту ввезли нечто совсем другое. Не хочу терять товар, это большая партия, в которую я капитально вложил. Не желаю, чтобы мне шили контрабанду. Нужно растаможить эту музыку с минимальными затратами. Груз не криминальный, иначе бы я не просил. Сантехника, плитка и всякая такая фигня. Я слышал краем уха, что у тебя есть завязки в этой конторе.

Димон ответил, что таможенный вопрос он утрясет за неделю. Кузь в свою очередь пообещал вывести нового московского друга на заместителя начальника колонии по режиму Сергея Петровича Чугура.

– Чугур, это погоняло у него такое?
– Натурально – фамилия.
– Повезло ему с фамилией.
– Этот хрен – главный человек в колонии. Как он скажет, так все и будет. А за реальные деньги Чугур сделает все, что хочешь, – сказал Кузь. – Прикинь. На этой зоне пыхтели мои

парни. За полгода до выписки из санатория они совсем скисли. Ну, натурально, без телок, без нормальной жратвы на стену полезли. Чугур организовал встречу прямо там. Барак для личных свиданий на четверо суток поступил в полное наше распоряжение. Контролеры перед нами на цирлах бегали, тарелки мыли и столы накрывали.

– Ты серьезно? – удивился Димон.

– Серьезней не бывает. Дело было зимой. Я приехал с пацанами, с классными телками и привез такое угощение, что все в осадок выпали. На дворе январь. Холод, стужа. А у нас свежая черешня, клубника в ящиках, шампунь "Мадам Клико", омары... Парни отвели душу. С тех пор с Чугуром у нас нормальные отношения. Он помогает греть братву, которая отдыхает в его санатории. С ним держит связь Вова Бритый. Он все устроит. Договорится о времени и месте вашей встречи. Как только...

– Понял, – кивнул Ошпаренный. – Как только я решу дела с таможней. Я буду торопиться.

– Только, друг, имей в виду, – Кузь вытянул шею. – Поосторожнее с этим Чугуром. Конечно, за бабки он родную мать удавит. Или жену в публичный дом продаст. Короче, сделает все, о чем попросишь. Но... Даже не знаю, как сказать. Помни, что это – редкая сволочь. Тварь, каких свет не видел. Тем мужикам, кто парится в его доме отдыха без подогрева, не имеет лавэ, чтобы куму башлять, живется очень непросто. Про него рассказывают такие вещи...

Кузь помялся, не зная, продолжать или на этом закруглить разговор. Димон нетерпеливо постучал пальцами по столу.

– Говори, если начал.

– Он может забить человека до смерти только за то, что морда не понравилась. Он – садист и мокрушник. Как я понял, ты хочешь сделать для своего кента доброе дело. Смотри, как бы наоборот не вышло. Если вы не договоритесь по деньгам или еще что... Твой друг может заживо сгнить в кандее. Или ему устроят производственную травму со смертельным исходом. Понимаешь?

– По деньгам мы договоримся, – сказал Димон.

– Ну, мое дело предупредить.

Теперь, когда самое важное было сказано, Димон позвал официанта, седовласого величественного мужчину, похожего на английского лорда, и велел принести десерт.

* * *

Пресс-конференция Николая Григорьевича Воскресенского, кандидата в мэры города Карамышин, начиналась в десять утра. Дашка Шубина припарковала свою «хонду» не на стоянке у предвыборного штаба, где уже приткнулось десятка полтора автомобилей, а в соседнем переулке. Она поднялась вверх, свернула за угол, остановилась возле витрины булочной и минуту разглядывала свое отражение в зеркальном стекле. Все путем. В строгом брючном костюме и коф-

точке с мелкими пуговичками она выглядит солидно, даже представительно. На носу очки с простыми стеклами, на плече кожаная бабья сумка, светлые Дашкины волосы не выбиваются из-под темного парика. В этом прикиде она выглядит старше своего возраста лет на пять, а то и на все десять.

У дверей трехэтажного особняка с колоннами выставили пост охраны, трех мордоворотов в темных костюмах при галстуках. Парней, видимо, хорошо не проинструктировали, кого следует пускать на мероприятие, а кого заворачивать, поэтому процедура проверки документов занимала много времени.

Дашка показала закатанное в пластик удостоверение корреспондента "Народной газеты", которое слепила себе за пару часов при помощи компьютера и принтера. Брови у старшего по группе сошлись на переносице. То ли название газеты ему не понравилось, то ли Дашкина физиономия.

– Чего это за газета такая? – спросил он. – Коммунистическая что ли?

– Независимая, – без запинки соврала Дашка. – А хоть бы и коммунистическая? Или вы собираетесь душить демократию и свободу слова в отдельно взятом городе? Ну, когда придете к власти?

– Не-а, – помотал головой старший. Образ душителя свободы ему как-то не очень понравился. – Я просто спросил, и все. Аккредитация у вас есть?

– Есть, – Дашка вырвала из его руки липовое удостове-

ние и прошла в особняк, шепча себе под нос: – Кретин! Ту-пица!

В конференц-зале на сдвинутых в ряды стульях расселось десятка полтора газетных корреспондентов и журналистов радио, тут же торчали две телевизионные группы, доверенные лица кандидата в мэры и еще какие-то придурки, что вечно крутятся на таких тусовках. Дашка заняла место с краю, открыла блокнот, будто собралась что-то записывать и вытащила из футляра цифровой фотоаппарат.

Воскресенский не опоздал ни на минуту. Пружинистой походкой прошелся по залу, сел за стол и постучал пальцем по микрофону. Кандидата в мэры сопровождали начальник выборного штаба и два унылых хмыря, вроде как независимые наблюдатели. Поблагодарив журналистов за то, что нашли время для встречи, кандидат, не теряя ни минуты, приступил к делу: по бумажке прочитал какую-то байду. Дашка не вникала в смысл выступления: все кандидаты говорили примерно одно и то же. Уши завянут и отвалятся, если будешь слушать. Она сделала несколько снимков Воскресенского. И стала решать для себя задачу, простую только на первый взгляд: кто из кандидатов в мэры самый башливый и не жадный до денег.

На пост главы города баллотировалось восемь человек. Шестеро – это так, мелочь. Трескотни много, а кошельки тощие. Серьезных претендентов двое. Этот Воскресенский – кругленький и гладенький мужик с замашками министра.

Приехал из центра, какие люди за ним стоят, кто тянет его за уши наверх и проплачивает избирательную кампанию, — черт не разберет. Воскресенский напирал на то, что благодаря своим связям на Старой площади он вытащит город из бедности, решит жилищный вопрос, создаст новые рабочие места и все такое прочее.

Его главный соперник — некто Илья Сергеевич Гринько, такой же гладенький и мордастый, начинал как мелкий лоточник, которого крышевали бандиты. Но потом ему удалось пробить банковский кредит и выбраться из грязи. Теперь в его жилетном кармане умещается полгорода со всеми торговыми структурами, чиновниками и прокурорами. С бандитами он расплевался, когда залез под ментовскую крышу. Гринько косит под своего парня, мол, я здешний, тут начинал, своими трудами пробился наверх из самых низов. И все обращения к избирателям начинает со слова земляки. Вторую половину города он получит, когда станет мэром. Если станет...

Судя по опросам горожан, их голоса перепадут варягу Воскресенскому, а не местному коммерсанту с сомнительным прошлым. Впрочем, перевес минимальный, исход выборов не берется предсказать самая авторитетная гадалка. Для Дашки не важно, кто из этих козлов пробьется в начальники. Когда приходит пора выборов мэра, можно заработать хорошие деньги, конечно, если у тебя мозги на месте. Деньги нужны до зарезу, а мозги у Дашки там, где им положено

быть.

Журналисты стали задавать свои вопросы, а кандидат продолжал давать невыполнимые обещания. Для порядка Дашка тоже подняла руку и хохмы ради осведомилась, не собирается ли будущий мэр вырубать березовую рощу в центральном парке и строить на ее месте картонажную фабрику. Такие слухи якобы ходят по городу. Кандидат вытаращил глаза, видно, что о березовой роще и картонажной фабрике он слыхом не слыхивал. Дашка сделала фотографию: кандидат с выпученными глазами. Хороший кадр.

— Ну, знаете ли, — Воскресенский покашлял в микрофон. — Меня можно упрекнуть во многом, но только не в этом...

Оказалось, что он двумя руками, двумя ногами и всем сердцем за экологию. Он не даст в обиду зеленых друзей человека, старые деревья он не тронет, мало того, посадит новую рощу.

С трудом дождавшись окончания позорной говорильни, Дашка сделала еще несколько снимков Воскресенского в полный рост, когда тот встал из-за стола, протянул руку, чтобы помахать собравшимся, и направился к выходу, но вдруг глянул на свои ботинки и остановился. Кандидат присел на край стула, наклонился и стал завязывать шнурок. В этом ракурсе он выглядел особенно непрезентабельно: на лбу вздулась синеватая жилка, лицо налилось кровью. Дашка сделала еще одну фотографию. Хороший снимок, просто на пять с плюсом...

Через полчаса Дашка сидела за столом у окна в неприбранной комнате коммунальной квартиры. Она разглядывала фотографии Воскресенского, выведенные на экран портативного компьютера, и жевала бутерброд с сыром. Снимки кандидата Гринько были сделаны в его предвыборном штабе пару дней назад.

Теперь, прямо сейчас, предстояло выбрать: кого из кандидатов она утопит в дерьме и с кого получит за это некоторую сумму наличными. Тянуть дальше нельзя, голосование через неделю. Выбор давался непросто. Дашка нервно покусывала губу и косилась на фотографию брата Кольки, пришпиленную к стене конторскими кнопками. Интересно, что бы посоветовал сейчас брат? Но именно сейчас Колька не мог ничего посоветовать. Дашка кинула взгляд на противоположную стену, где красовались предвыборные плакаты кандидатов в мэры Воскресенского и Гринько.

– Блин, все они одним миром мазаны, – сказала она вслух, обращаясь к фотографии брата. – Что один, что другой... Уроды. Правильно, Коля? – И подбросила кверху монетку.

Выпала решка. Значит, ее жертвой станет варяг. Она взяла толстый черный фломастер, поднялась со стула и, постояв минуту перед плакатом кандидата в мэры Воскресенского, перечеркнула его физиономию. Крест на крест.

Встреча Димона Ошпаренного и Сергея Петровича Чугура по иронии судьбы выпала на самый жаркий летний день, когда неизвестно куда исчезают птицы, плавится асфальт, а человеческие мозги превращаются в подгоревшую кашу. Над городским поселком зависло полуденное солнце, центральная площадь с большой цветочной клумбой посередине, садовыми скамейками, покрашенными в интимный розовый цвет, и круглой тумбой с расклеенными на ней афишами, была совершенно пуста.

Димон Ошпаренный и Вова Бритый, оставив машины в дальнем переулке, спускавшемся к реке, завернули в пельменную "Витязь", откуда из конца в конец просматривалась вся округа. Пробили в кассе комплексный обед и квас, устроились за пластиковым столиком в углу и через пыльную витрину стали разглядывать залитое солнцем пространство площади. Духота в пельменной стояла почти нестерпимая, на кухне не действовала вытяжка, оттуда несло кислой капустой и перебродившим квасом. Под сводчатым потолком лениво гоняли теплый воздух лопасти огромного вентилятора. Стоявшая на раздаче толстая баба в белом фартуке, казалось, должна была вот-вот бухнуться в обморок от теплового удара.

– Странно, он должен быть на месте, – сказал Вова Бри-

тый, отгоняя от тарелки муху. – Чугур – мужик точный, как швейцарские часы.

– А нельзя на его мобильник звякнуть?

– Это никак, – мотнул головой Бритый. – Строго запрещено.

Ошпаренный немного волновался. От сегодняшней встречи и разговора с кумом зависело слишком многое. Он поставил на подоконник тонкий кожаный портфель, с какими ходят мелкие клерки или институтские отличники, и взял в руку вилку.

– Может, с ним чего случилось?

– Случилось? – Бритый усмехнулся и покачал головой. – Это со мной может что-то случиться. Или с тобой. Этого кадра ты плохо знаешь. С такими, как Чугур, ничего не случается. Никогда. Такая уж порода.

Вова, мужик лет тридцати пяти с длинными каштановыми волосами и наколками по всему телу, засунул в рот пельмень и, не разжевывая, проглотил его. Есть ему не хотелось, но Бритый, имевший за плечами четыре лагерные ходки, по эковской привычке не привык оставлять еду на тарелках, даже когда кусок не лез в горло.

Димон поправил на носу темные очки и глотнул из запотевшей кружки хлебного кваса, отдающего свежими дрожжами, с отвращением посмотрел на дымящиеся пельмени. Бритый, перехватив этот взгляд, улыбнулся.

– Что, не привык тереться в таких рыгаловках с таракана-

ми?

– Правильнее сказать: отвык, – поправил его Димон.

Он разглядывал площадь, но ничего не происходило. Уличное движение замерло, редкие прохожие уходили с солнечной стороны, спеша укрыться в тени старых тополей, разросшихся возле клуба "Ударник". Чугур строго – настрого запретил привозить московского гостя в жилой поселок при зоне. Там каждый человек на виду и на счету. Стоит только появиться чужаку, поселенцы, а среди них немало бывших зеков, отмотавших срок в колонии, стукнут в оперчасть. Дескать, так и так: за какой-то надобностью из столицы сюда прилетел жирный гусь. Дежурный офицер пойдет на доклад к Чугуру, поставит его в известность о залетной пташке. Как после этого тайно организовать встречу и потолковать? Из соображений конспирации пришлось ехать сюда, в рабочий поселок, что в тридцати верстах от зоны.

Наконец из знойного марева появилась фигура мужчины, одетого в мятые светлые брюки и простенькую клетчатую рубашку. Человек прошелся вдоль клумбы, присел на край скамейки, осторожно присел, будто боялся обжечь задницу. И, зыркая глазами по сторонам, стал обмахиваться газетой, как веером.

– Наш клиент. Нарисовался, – сказал Бритый. – На целый час опоздал, скот.

Сунув в пасть последнюю пельмешку, вытер жирные губы салфеткой и заспешил к выходу. Он перешел на другую

сторону улицы, присев на скамейку рядом с кумом, о чем-то заговорил с ним. Чугур молча кивал, потом показал пальцем куда-то в даль, поднялся и, скатав газету трубочкой, пошел прочь. Бритый, быстрым шагом вернулся назад.

— Порядок, — сказал он, отдышавшись. — Ждет тебя в сквере за детским садом. Прямо по улице первый поворот. Там забор из железных прутьев, калитка не заперта. Понял?

— Ясный хрен, чего не понять? — Димон стряхнул крошки с лацканов светлого пиджака. — В садике.

— Только не забывай: кум только косит под простачка, — скороговоркой произнес Бритый, — а в натуре хватка у него, как у питбуля. Вцепится в горло и вырвет с мясом. Не задавай лишних вопросов и про себя много не говори. Он знает, что ты будешь просить за своего дружбана. Остальное обкашляете на месте. Жду в машине...

* * *

Со скамейки на задах детского сада только что отчалили двое ханыг, оставив после себя стойкий сивушный дух и пустой стакан, надетый кверху дном на сломанную ветку сирени. Чугур исподлобья настороженно разглядывал собеседника, будто не ждал от встречи ничего хорошего. Пару минут назад он вежливо предложил Димону поднять руки и раздвинуть ноги, чтобы убедиться — при нем нет микрофона. Когда Димон выполнил унижительное требование, Чугур

обшмонал его карманы. Своими твердыми, будто вырезанными из дерева пальцами прощупал каждую складку одежды, убедился, что за воротом пиджака нет потайных карманов, к голени и предплечьям липкой лентой не прикреплен жучок. Затем кум порывлся в портфеле гостя и попросил Димона снять ботинки. Все чисто. Удовлетворенный результатом личного досмотра, Чугур буркнул.

– Все в порядке. Ты уж извини, но тут дело такое. Сам должен понимать, случай особый. Чтобы без обид...

– Я понимаю, – кивнул Ошпаренный. – Все понимаю.

Чугур, оглянувшись по сторонам, уселся на скамейку. За этого московского фраерка поручились люди, которым кум доверял полностью, место для встречи он выбрал сам. По всему видать, а у Чугура взгляд профессиональный, наметанный, что Димон не из чекистов. Но осторожность еще никого не сгубила, напротив, многим хорошим людям жизнь спасла.

Ошпаренный надел темные очки, сел рядом и кратко, не называя имени друга, изложил суть дела: в ИТУ парится один хороший человек. Позади три года зоны и год с лишним тюрьмы, когда шло предварительное следствие по делу и суд. И тянуть малому еще десятку с копейками. Столько он не просидит, врежет дуба от тоски или болезней. Димон хочет купить для кента свободу, он не постоит за ценой, потому что этот человек, можно сказать, лучший кореш, родная душа, ближе брата.

– Деньги не проблема, – еще раз повторил Димон. – Нужно только ваше слово. И все.

– Кому деньги не проблема, а кому наоборот, – сказал кум, не упуская случая пожаловаться на бедность, и тут же приврал. – Я вот на встречу опоздал, потому что в "шестерке" бензофильтр засорился. Восьмой год машине. Вся ржавая, как последняя зараза. Хоть в металлолом сдавай.

– Машина – полбеды. Короче, если можно устроить мое дело...

– Устроить, – передразнил Чугур. – Устраивают детишек в институт по блату. Твоя просьба, сразу скажу, нереальная. Чистая фантастика и байда. Суди сам. Из колонии поверяльщики неделями не вылезают, потому как до Москвы всего три сотни верст. Им не надо в Магадан летать или в Инту поездом переться. Из Минюста, из ГУИНа... Шакалят, всю плешь проели. У меня за проволокой четыре тысячи двести экков. Зона не то чтобы большая. Средняя. Но за каждого гаврика с меня спрашивают. И по шапке я первый получаю. Понял? Поэтому дело твое – кислое.

Димон, прикурив сигарету, угрюмо молчал. Он понимал, что кум сразу не скажет да. Но и слова нет тоже не произнесет, не за тем он пришел на стрелку.

– Но помочь человечку, конечно, можно, – кум угостился сигаретой Димона и пыхнул дымом. – Будет стоить денег. Не подумай, что все мне на карман пойдет, ни боже мой. В доле не я один. Потому как зона – это не мой личный огород.

Сейчас твой дружбан на общих работах?

– На общих, – кивнул Димон.

Чугур потер ладонью шею, будто ее покусали комары.

– Ну, можно устроить его в библиотеку, книжки выдавать будет. Полная халява. Болтайся целыми днями по жилой зоне или в столовке харчуйся. Или вот, еще лучше, помощником заведующего клубом. Тот вольняшка и большой либерал. Клуб – это курорт, а не зона. Сплошное удовольствие. На гитаре тренькай, козла забивай, свежие газетки сортируй.

– Нет, клуб не пойдет, – помотал головой Димон. – И библиотека тоже.

– Ну, тогда в медсанчасть, – пожал плечами Чугур, удивляясь привередливости молодого человека. Ему предлагают малину, а он фуфлом крутит. – Помощником фельдшера. Чистота и все такое. Если захворает – лекарства, усиленное питание. Можно даже ванную принять. Там настоящая чугунная ванная стоит, белая. У нас коновал хороший, из вольнонаемных. Это лучшее предложение, которое я могу сделать.

– Что в медсанчасти, что в клубе – это все равно зона, – ответил Димон. – А я хочу купить чуваку свободу.

Кум раздавил каблуком ботинка окурок, с досады плюнул на песок. То ли жара, то ли ослиная упертость этого фраера давит на психику. Но башка уже побаливает, в висках ломит. Самое время запить горечь, оставшуюся на душе после этого бестолкового базара, кружкой холодного пива. Да еще сто

пятьдесят водки прицепить. Тогда полегчает.

– Нет, молодой человек, – сказал он, – так не получится. Так не выйдет, дорогой. Будем считать, что этого разговора у нас не случилось. И с тобой мы не встречались. Если бы ты хотел своему другу помочь, меня послушал. А так...

Кум стал медленно подниматься со скамейки, но Димон крепко ухватил его за локоть.

– Постой, подожди минуту, – сказал он. – Вот чудак.

Димон снял очки с темными стеклами: важно, чтобы в эту минуту собеседник видел его глаза. Серо-голубые глаза честного человека, который не собирается юлить и притворяться.

– Вот взгляните.

Он расстегнул портфель, вытащил цветной каталог "Недвижимость за рубежом". Перевернул несколько страниц, показал куму цветную картинку. Двухэтажный отштукатуренный дом в колониальном стиле, покрашенный бледно-желтой краской. Четырехскатная черепичная крыша, на втором этаже два балкона с коваными балясинами и перилами. Деревянные решетчатые ставни наглухо закрыты. Цоколь облицован природным камнем. Вдоль фасада украшения из резных полурозеток и разноцветных глазурованных плиток, высокое крыльцо, двухстворчатая дубовая дверь с медными кольцами вместо ручек.

– Недвижимость на Кипре – хорошее вложение денег, – сказал Димон. – За год цены растут на пятнадцать – двадцать процентов. Возьмем хотя бы этот домик. Вот тут внизу его

цена, — он вытащил из кармана ручку, взял циферку в кружок. — Как видите, цена умеренная. Более чем умеренная. Если платить наличманом, а не через банк, — большая скидка. Я наводил справки. Дом полностью меблирован, в подвале своя прачечная, винный погребок, четырехместная ванна-джакузи. На втором этаже три спальни, бильярдная. Участок в четверть гектара находится на побережье. Два шага до моря. Но если лень таскаться к морю, сзади дома бассейн. Страна вечного лета. Рай на земле. Как, нравится?

— Ничего, — кум, не отрываясь, смотрел на картинку, облизывая кончиком языка верхнюю губу. — Ничего себе.

— Вот и я говорю: ничего. Если покупаете недвижимость на Кипре, автоматом получаете вид на жительство. А вот цена, которую я плачу за свободу своего кореша.

Димон ткнул кончиком ручки в циферку, взятую в кружок, и рядом нарисовал другую циферку, свою.

— Как теперь? — спросил он. — Нормально? Денег хватит, чтобы купить хату. И ни о чем вздыхать до конца дней. Будем продолжать разговор?

Кум молча кивнул: парень попал в точку, будто знал, как материализовать чужие мечты.

— Я сделал заявку на покупку этого дома, — продолжал Димон, — месяца не пройдет, он будет ваш. С оформлением бумаг на вас я помогу. С этим можно в один день успеть.

— Как фамилия твоего кента? — охрипшим голосом спросил кум.

– Огородников Константин Андреевич.

Чугур открыл рот и забыл его закрыть. В голове пронесся ураган мыслей, возник калейдоскоп образов и картинок. Побег Кота, намеченный на следующую неделю... Жирная рожа активиста Цики, который в курсе всех дел... Лагерная жена Цики – гопник Вася Житомирский, он тоже знает слишком много... Супруга самого кума – Антонина Ивановна, одетая в грязный фартук и рабочий халат, давно потерявший свой первоначальный цвет... Помешанная на накопительстве Антонина откармливает свиней на продажу и кладет на книжку каждый грош... От жены вечно воняет свиным навозом и болтанкой, смесью комбикорма с каким-то дерьмом, которым она кормит животных... Наконец кум увидел свою любовницу Ирину Степановну, самую красивую женщину на сто верст вокруг, на нее пялятся все мужики, только боятся близко подступить. Они знают, что у кума тяжелая рука и нрав горячий.

Впрочем, какие здесь мужики?.. Одно отребье, чмошники. Чугур увидел желтый особняк на берегу бирюзового моря и себя самого в бассейне с серебристой водой. Он подплывает к бортику, где стоит поднос с прохладительными напитками и, не вылезая из воды, сосет пиво из горлышка бутылки. Ирина Степановна в шелковом бежевом халатике, открывающем ноги и высокую грудь, сидит в кресле-качалке и глазами преданной собаки смотрит на своего благодетеля. Да, такую бабу не стыдно по заграницам повозить. Все картинки

перемешались, кум на секунду закрыл глаза, ожидая, когда закончится это наваждение. Вытер ладонью потный лоб.

– Значит так: деньги разделишь на четыре равные части, – сказал он дрогнувшим голосом. – Одну часть переведешь на книжку Бударинной Ирины Степановны. Рублями по курсу. Три книжки откроешь на предъявителя. Валютные счета. Встретимся на этом месте в это время через... Сколько времени нужно, чтобы собрать деньги?

– Деньги есть, – кивнул Димон, – но нужно четыре дня, чтобы открыть счет, сделать банковскую проводку.

– Хорошо. В следующий вторник передашь мне книжки. В это же время на этом месте. А я скажу номер счета Бударинной. Если не приедешь...

– Я буду на месте, – перебил его Димон. – Без вопросов.

Он поднялся, закрыл портфель, положил на колени кума журнал "Недвижимость за рубежом", свою визитку и ушел, не оглядываясь.

Глава четвертая

Расставив на доске шахматные фигуры, Сергей Петрович Чугур сидел за круглым столом в гостиной и сам с собой разыгрывал головоломку, напечатанную в газете. Согласно условиям задачи, белые должны поставить черным мат в три хода. Чугур переставлял фигуры, комбинируя, делал обратные ходы, но задача, сначала показавшаяся простой, почему-то не решалась. Как ни крути, как ни двигай слона и коня, мат выходил только в четыре хода, а не в три. Сверившись с рисунком в газете, кум вернул фигуры на исходные позиции, сделал ход королевской пешкой, задумавшись, расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки.

Обеденное время давно кончилось, надо выходить из дому, через поселок возвращаться на зону, в свой служебный кабинет. Но по давно устоявшейся привычке доводить начатое до логического конца, Чугур продолжал разыгрывать партию.

На залитом солнечным светом дворе жена кума Антонина Ивановна гонялась за свиньей Машкой, открывшей калитку в загоне. Свинья выбралась на двор и теперь носилась, как угорелая, убегая от хозяйки. На огород, отделенный от двора высоким сплошным забором, Машка выбраться не могла, на улицу ей тоже не попасть. Увидев, как супруга, вооруженная прутиком, поскользнулась на свином дерьме и упала на тра-

ву, кум не смог сдержатъ смех. С трудом, кажется, готовая заплакать, Антонина Ивановна поднялась на ноги, одернула рабочий халат, испокон веку не знавший стирки, и, забыв про Машку, пошла к рукомойнику мыть грязные руки. Еще пять свиней наблюдали за немой сценой из своего загона.

– Вот сволочизм, – вслух сказал Чугур. – За этими шахматами мозги раком встанут.

Он поймал себя на том, что думает вовсе не о шахматах, совершенно о других вещах. Думает, на какой козе и с какого боку подъехать к начальнику колонии полковнику Ефимову. Без хозяина вопрос с Огородниковым утрясти трудно, и сам бог велел делиться, особенно с начальством. Но вот вопрос: сколько денег отслюнявить хозяину? Половину? Морда треснет. Четверть суммы? Тоже жирно выходит. Тогда сколько же? И как дать? Просто принести и положить на стол здоровую пачку баксов. И все сотенными. Или как-то по-другому?

Вчера Чугур снова встретился с Димоном на том же самом месте, где условились в прошлый раз. Ошпаренный оставил ему три сберкнижки на предъявителя, на каждой равными частями условленная сумма. По деньгам чистая астрономия. Остальную четверть долга Димон перечислит на счет Ирины Бударинной. Это случится в тот же день, когда Кот уже вольным человеком выйдет через вахту колонии на волю.

Еще есть пара недель, чтобы спокойно подумать и решить, стоит ли покупать желтый особняк на Кипре или лучше пустить деньги на другие нужды.

Как ни крути, дом за границей – это не старый сырой пятистеночек из круглых бревен в жилом поселке при зоне строгого режима. Здесь соседи – алкашня, одни ханурики, все срока мотали. Жена привязана к своим свиньям, а куму, чтобы сыграть партию в шахматы, надо топать к начальнику зоны на другой конец поселка.

Дом на Кипре надо брать! Димон обещал все оформить буквально за день. А дальше ясно: кум выйдет в отставку по выслуге лет, соберет чемодан, вместе с Иринкой Будариной прикупит в столице модного шмотья и возьмет два билета в один конец. Он уедет отсюда богатым человеком, еще к его деньгам надо прибавить ту сумму, довольно значительную, что скоплена за долгие годы службы на этой помойке строгого режима. Герметичный пакет с деньгами под полом у любовницы – это надежное место. Приняв решение, Чугур снова вспомнил о шахматах.

– И какой только гад придумывает эти задачки?

Он смахнул фигуры с доски, застегнул верхнюю пуговицу на рубашке и поправил форменный галстук на резинке. Затем раскрыл офицерский планшет, в котором хранятся документы, вытащил и положил перед собой журнал "Недвижимость за рубежом", пошелестел страницами. Да, вот он желтенький особняк неподалеку от синего моря. Бассейн, джакузи, винный погреб... Набор этих слов, в какой последовательности их не произноси, возбуждал, будоражил воображение.

Чугур увидел себя в костюме аквалангиста. Он совершает погружение на глубину, парит в голубой бездне, где-то между песчаным дном и поверхностью моря. Если поднять голову, увидишь, как там, наверху, перекатываются мелкие волны, увидишь свет солнца. Гидрокостюм не стесняет движений, акваланг не тянет спину, в руке ружье для подводной охоты. Через стекло маски можно разглядеть силуэты экзотических рыбок: желтых, красных полосатых, названия которых кум не знал.

Там, на глубине теплого моря, не увидишь эти порочные скотские морды эков, которые он по долгу службы должен созерцать изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Там нет паханов, сидящих на игле, нет их шестерок и быков. Нет офицеров оперчасти, отупевших от службы и беспросветной жизни. Нет хозяина зоны, пьющего горькую от тоски. Там нет жены Антонины в грязном халате. И свиньи Машки, вечно убегающей из загона, тоже нет. Только он и море. На эту тему он готов был написать стихотворение или поэму, если бы умел писать стихи, а не рапорты и докладные записки.

Услышав скрип двери, Чугур закрыл журнал: порог переступила жена. Антонина Ивановна подошла к серванту и остановилась, тупо разглядывая фотографии, расставленные между чашек за стеклом, будто никогда их не видела. На фотках почти все семейство Чугура: сын и дочь, давно перебравшиеся в Москву.

Сейчас Антонина, как всегда, заведет любимую пластинку и начнет гундосить, что осенью, когда зарежут свиней, можно будет отправить сыну денег. Заодно уж и мяса, и сала. А кум ответит, что этот здоровый бугай сам должен родителям помогать, а он только и ждет отцовской подачки, но хрен дождется. Сын болтается там, в Москве, как кусок дерьма в проруби: с одной работы попрут за пьянство, на другую устроится. И нет этому конца.

Чтобы не заводить этот долгий беспредметный разговор, Чугур проворно влез в новый шитый на заказ китель и поспешил выйти из дома. Он весело сбежал вниз по ступенькам крыльца, пнул сапогом под зад свинью Машку и вышел на улицу. Антонина Ивановна, отворив калитку, последовала за мужем, крикнула:

– Опять ночевать не придешь? У своей блудливой козы останешься?

Чугур обернулся. Если бы жена стояла рядом, наверняка получила увесистую пощечину. Но возвращаться лень.

– Угадала, останусь, – громко, чтобы все любопытные слышали, ответил он. Прощедил сквозь зубы пару ругательств и зашагал дальше.

Сплетен и пересудов сельчан кум не боялся, плевать он хотел на эти разговоры. Здесь каждая собака давно знает, что кум, не стесняясь жены, открыто живет с продавщицей сельпо из соседнего поселка Ириной Будановой. Пусть языки чешут, кому это нравится. За любовь, даже позднюю любовь,

еще никого к уголовной ответственности не привлекли. А другой ответственности кум не боялся.

* * *

В кабинет начальника колонии Чугур пришел не с пустыми руками. Он уже принял решение, продумал дальнейшие действия, теперь оставалось все грамотно исполнить. Для затравки он положил перед полковником Ефимовым сберкнижку на предъявителя и объяснил суть дела. Богатый бизнесмен из Москвы, по повадкам, бандит или порченный штымп, хлопочет об Огородникове. Кум дал предварительное согласие и готов все устроить тихо и незаметно, теперь слово за Ефимовым.

Хозяин долго мусолил пальцами книжку, трижды переспрашивал, нет ли тут какого подвоха, кидалова, уж очень деньги большие.

– Я все проверил, – терпеливо отвечал Чугур. – Деньги поступили на счет. Можно их обналичить, это без проблем. Только надо ехать в крупный город, хотя бы в Тверь. И такую сумму придется заказывать дней за десять.

Хозяин запер сберкнижку в сейфе, спрятал ключ во внутреннем кармане кителя, у самого сердца. Перед тем, как произнести фамилию Огородникова, кум немного помялся и сказал, что эта гнида достойна пули или пожизненного срока, но не воли. Тем не менее, счастливый билет выпадает

именно ему.

Дальше пошло веселее. Кум положил перед Ефимовым личные дела заключенных, попавших под последнюю амнистию. Это зэки, не совершившие тяжких преступлений и преступлений против личности, малосрочники. На них висит всякая ерунда: мелкое мошенничество, кражи, порча имущества. На строгую зону они залетели, можно сказать, случайно. У каждого имелась непогашенная судимость или ходка не первая, значит, рецидивисты. Среди контингента колонии амнистированных набралось всего семеро душ. Остается решить, вместо кого из этих кадров выйдет на волю заключенный Константин Огородников.

– Очень кстати эта амнистия подоспела, – добавил Чугур. – Просто выручила нас. Такие деньги раз в жизни дают. Я все разбанковал поровну. Вам и себе. Две равные части. Мы сколько лет знаем друг друга...

– Сережа, давай без этой лирики, – физиономия хозяина оставалась напряженной. Дело не шуточное: можно враз разбогатеть, а можно и грязи наесться. – Если бы вместо этого Кота был другой зэк... Но этот сукин сын... И делюга у него серьезная. Двух сотрудников милиции завалил, в суде доказали одного. Всего трешку оттянул.

– Я все устрою, – сказал кум.

– Только не торопись, Сережа, – хозяин покосился на сейф, где лежала книжка. – Не руби с плеча. Тут не семь, а все семьдесят семь раз отмерить надо. Кто из активистов

навонял про побег Огородникова? Цика, кажется? Вот он – наша проблема. Кто еще знает?

– Его сожитель Васька Житомирский. Ну, тут я уже все продумал. С этого боку осложнений не будет. Сто процентов.

– Хорошо, – кивнул Ефимов. – Вот семь дел на тех, кто откидывается на следующей неделе. Кого предлагаешь?

– Вот хотя бы Феоктистов, – кум погладил лежавший на коленях планшет с журналом "Недвижимость за рубежом". – Голь перекатная. Ни кола, ни двора. Что в переводе на русский язык означает – импотент без жилплощади. Родственников не имеется. То есть, мать – не установлена. Годовалого она подкинула его в дом малютки. Короче, этого черта никто искать не станет.

– Так, кто еще?

– Да тут бери любого – не ошибешься. Вот некий Сергей Телепнев. Сидит за поджог деревенского клуба. Парень с головой совсем не дружит. Отца не помнит, мать не вылезает из психушек. Это у них наследственное, – кум покрутил у виска указательным пальцем. – Из родственников – слепая тетка.

– Телепнев подходит, – вдохновился Ефимов. – Мне он нравится этот Телепнев. Слепая тетка... С головой не дружит... Этого бери на заметку. Первый кандидат. Лет ему сколько?

– Немного старше Кота. Сороковник без году.

– Хорошо, – повторил кум. – Очень хорошо. А еще кто?

– Вот Шубин Николай Сергеевич. Мошенничество. Родители погибли, когда ему исполнилось одиннадцать. Из родственников только младшая сестра Даша Шубина и дядька. Видно, родня не часто о нем вздыхает.

– Ладно, – махнул рукой хозяин. – Ты, Сережа, еще поработай с личными делами, сам подбери кандидата. Тщательно. И урегулируй все остальные вопросы. Ну, не мне тебя учить. Если возникнут малейшие осложнения, докладывай немедленно. Днем или ночью. Ладно, Сережа? Вопросы есть?

Вопросов у кума не было, поэтому он просто забрал дела и ушел в оперчасть, на свою половину административного здания. Он думал о том, что хозяину перепало много денег, слишком много. Но выбора нет, надо решать вопрос быстро.

* * *

* * *

Предвыборный штаб Ильи Сергеевича Гринько находился вдалеке от центра, на тихой улочке, застроенной старыми домами в купеческом стиле. Недавно в этом единственном на всю округу кирпичном здании помещался клуб «Слава», принадлежавший камвольному комбинату, теперь клуб сме-

нил хозяина. Кино здесь теперь не крутили и танцульки не устраивали, вывеску сняли.

Дашка Шубина, остановившись перед парадным подъездом, долго разглядывала свежие плакаты. На первом плане – физиономия Гринько, сзади, на фоне голубого неба – высится белая церковь с золотыми куполами. И надпись внизу: "Найди свою дорогу к храму". Неодобрительно покачав головой, Дашка вошла в дверь и сказала старику-вахтеру, вставшему на пути, что ее фамилия Земцова. Она договаривалась о встрече с начальником предвыборного штаба Максимом Александровичем Пармоновым.

– Он занят сейчас, – сказал вахтер, заглянув в журнал регистраций и увидев там фамилию Земцовой. – Ведет разъяснительную беседу с агитаторами. Ну, которые на местах работают. По подъездам ходят, листовки раздают и плакаты клеют. Через полчаса, авось, закончит говорильню. Ты, девушка, подожди на втором этаже у двадцатой комнаты.

Дашка поднялась наверх по свежеекрашенной лестнице, прогулялась по длинному коридору, застеленному красной дорожкой. До нее долетал раскатистый бас Пармонова. Она остановилась перед открытой дверью, заглянула в комнату. За разнокалиберными столами и ученическими партами расселись десятка три женщин и мужчин. Публика внимательно слушала начальника предвыборного штаба, который бродил между рядами и вещал в творческом запале:

– Помните, что вы представляете будущего мэра Илью

Сергеевича Гринько, вы его лицо, плоть и кровь, – говорил начштаба, оживленно жестикулируя. – Его девиз – найди свою дорогу к храму. Из этого слогана электорат должен сделать несколько выводов. Первое: Гринько православный христианин, который обещает построить в городе две новых церкви вместо тех, что снесли большевики. Чтобы все желающие, в смысле, все верующие могли помолиться в удобное для них время. Второе. Возможно, самое главное – он свой, местный бизнесмен. Понимаете, – свой, местный. Не какой-то хрен, который свалился на нашу голову из самой Москвы. Гринько знает город как свои пять пальцев. Знает нужды и чаяния людей. И все такое прочее тоже знает.

– А если кто из избирателей спросит о Воскресенском? – раздался вопрос с места. – Ну, что он за личность?

– Отвечайте коротко – какой-то проходимец с темным прошлым. И никаких связей у него нет. В Москве проворовался. Теперь сюда воровать приехал. Понятно?

Дашка подумала, что если таким макарон промывать мозги агитаторам, то Гринько выборы обязательно проиграет. Она отошла к окну, присев на широкий подоконник, вытащила из сумки и раскрыла на середине детектив в бумажной обложке. Собрание закончилось минут через сорок. Парамонов в сопровождении агитаторов вышел в коридор. У него покраснелась физиономия, по щекам катился пот, а мятый галстук напоминал цветную тряпку. Дашка, растолкав агитаторов локтями, пробилась к начальнику штаба, подцепила

его под локоть.

– Максим Александрович, я та самая Земцова, которая днем звонила.

Парамонов посмотрел на нее снизу вверх, наморщил лоб, вспоминая фамилию и базар по телефону.

– Да, да, – рассеяно сказал он. – Ты хотела какие-то там фотографии показать. Сказала, что они меня обязательно заинтересуют. Правильно?

– Совершенно верно, – Дашка потащила Парамонова дальше по коридору.

– Ну, давай их сюда.

– Фотографии интимные. Их нельзя смотреть при всех. Там я вместе с Воскресенским. Сами увидите. Давайте где-нибудь без свидетелей...

* * *

Когда заинтригованный Парамонов запер дверь своего кабинета и занял место за рабочим столом, Дашка раскрыла сумочку и разложила перед ним четыре смонтированных фотографии, над которыми трудилась всю ночь, до первой зорьки.

На первой карточке Дашка стоит спиной к камере, из одежды на ней только полупрозрачные трусики и бюстгалтер. Воскресенский, мило улыбаясь, встал перед уже разобранной кроватью и пялит на Дашку выпученные глаза. Мос-

ковский гость облачен в темный костюм и галстук. На втором снимке Дашка вполоборота к камере. Воскресенский уже присел на кровать, пиджака на нем нет, он тянет узел галстука, стараясь поскорее освободиться от одежды.

На третьей карточке Воскресенский уже скинул костюм, оставшись в майке с короткими рукавами. Он, сидя на постели, расшнуровывает ботинки, видимо очень торопится. Морда налилась, на лбу вздулась синяя жилка. Дашка стоит ближе к любовнику, готовая упасть в объятия сильного мужчины, как только он разденется. На последней карточке Воскресенский лежит на кровати, прикрывшись ватным одеялом, и протягивает руки к Дашке, мол, давай сюда, чего ты ждешь? С этой карточкой вышла накладка, Дашка, торопясь на работу в "Ветерок", не успела заретушировать ботинки Воскресенского. Они торчали из-под скомканного одеяла. Получилось, что кандидат залез в постель в обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.